

Явления Богородицы как фактор возрождения католического общества в Европе XX-XXI веков

The Appearances of the Mother of God as a Factor of Revival of the Catholic Society in Europe of the XX - the Beginning of the XXI Century

Элизабете Тайване (Elizabete Taivāne), лектор Латвийского Государственного Университета Факультета Теологии (Raiņa bulvāris 19, Rīga, Latvija), доктор теологии.

Богоявления, как своего рода манифестации сакрального, вызывают особый интерес у феноменологов религии. Явления Богоматери в Европе 20 – начала 21 века – уникальный религиозный феномен, характерный сугубо для христианского запада. Почти все явления окрашены апокалиптически, т.к. являются призывом обратиться и сопряжены с пророчествами о судьбах Европы и мира в целом. Почему явления имеют глобальный контекст только на христианском западе? С чем связана их чуждая христианскому востоку символика? Ключ к разгадке стоит искать в антитезе восток-запад, которая в процессе феноменологического анализа раскрывает свой глубинный смысл как архетипическое-символическое, сакральное-профанное, интравертное-экстравертное, апофатическое-катафатическое, трансцендентное-имманентное, воскресение-воплощение, вневременное-событийное. Христианский запад переживает серьезный кризис, который, очевидно, ведет к самоуничтожению погрязшей в профанном западной цивилизации. Цель явлений Богоматери – предупредить и, возможно, предотвратить ее крах. Западный мир в силу своего исторического и экстравертного мышления потерял архетипическую суть христианства и не может своими силами восстать из праха. Богоматерь призывает Россию, этот кладезь архетипической духовной сути, спасти свою погибающую сестру, европейскую цивилизацию. Воссоединение запада и востока, т.е. архетипического и символического, является сутью нам непонятого западного экуменизма. Однако же этот жизненно важный процесс должен начаться с возрождения России, за который особенно ратует Фатимская Богоматерь.

Apparitions of the Divine as some sort of manifestation of the Sacred are rather interesting for phenomenology of religion. Such apparitions of the Mother of God as those taking place in Europe of the 20th and of the beginning of the 21st century are typical just for the Christian West. All the apparitions being a call for penance can be qualified as the apocalyptic ones for those are concerned with the prophecies about the future of Europe and of the world on the whole. Why apparitions of the Mother of God deal with the global issues only in the West? Why their symbolism is extraneous for Eastern Christians? The clue is the antithesis of the East and the West which in the process of phenomenological analysis shows its true and deep meaning as the archetypal versus the symbolical, the sacred versus the profane, the introversive versus the extroversive, the apophatic and the kataphatic, transcendence and immanence, Resurrection and Incarnation and, finely, the supra-mundane and history. The West today experiences a deep spiritual crisis being a sign of a complete loss of the archetypal religiosity. The Western world is unable to change the situation. Obviously, that is why the Mother of God calls Russia to share its archetypal spiritual treasure and to save the European civilization in such a manner. The unification of the archetypal East and

the symbolic West is the main purpose for the Western ecumenism. The mentioned unification, however, is possible only when Russia itself goes through the process of spiritual restoration.

Явления Богородицы как фактор возрождения католического общества в Европе XX-XXI веков

Глубокий духовный кризис Западной цивилизации – явление общеизвестное. Причем оно имеет продолжение во времени. Еще К.Г. Юнг и М. Элиаде выражали свою озабоченность этим немаловажным явлением. Юнг видел выход из создавшегося положения в обращении Запада к Востоку. Элиаде в свою очередь считал, что восстановить утраченные духовные ценности можно только в случае возобновления связи современной Западной цивилизации с архаикой, т.е. с древними цивилизациями. Оба исследователя, один психолог, другой историк, ссылались на содержащееся в них (Восток и архаика) так называемое архетипическое, своего рода квинтэссенцию или суть религиозного, которое Западная цивилизация утратила.

Известно, что человек – это прежде всего *homo religiosus*. Религиозный инстинкт в нем – неуничтожим. В наше время, как впрочем и в другие кризисные периоды истории Западной духовности, всегда были два русла, в которые устремлялся поток религиозного чувства. Один из них – поиск нового оформления стихийного религиозного порыва вне рамок традиционной духовности. Речь идет, к примеру, о реформации в Германии 16 века и о массовом явлении новых религиозных движений 19-20 веков. Юнговское обращение к Востоку свершилось, хоть и в искаженном виде. В наши дни наблюдается неподдельный интерес представителей Запада к альтернативным моделям сотерики, будь то реинкарнация или расширение сознания. Исследователь в области компаративистики А. Пйерис, иезуит, говорил о массовой социо-ритуализации острой психологической необходимости Запада в возобновлении Восточного инстинкта.¹ Другими словами потребность в возврате к архетипическому духовному на Западе выливается в приобщение к Восточным и псевдо-Восточным религиозным группам.

Вторая форма возврата к духовности – это возрождение традиционной религиозности, своего рода реформация в лоне традиции. В нашем случае речь идет о

¹ Aloysius Pieris, S.J., *Love Meets Wisdom: A Christian Experience of Buddhism* (Mariknoll, New York: Orbis Books, 1990), p. 8.

процессе возрождения Римско-Католической Церкви. В последнее время обнаруживают себя подобные тенденции и на уровне академического богословия (достаточно упомянуть так наз. *антропологический поворот* Карла Ранера), и на уровне народной религиозности. Чтобы охарактеризовать последние, т.е. народные тенденции, можно вспомнить всплеск харизматических настроений в Католической Церкви в наши дни (отношение к ним официальной Церкви неоднозначно), появление многочисленных групп, практикующих нечто между умной молитвой и медитацией буддистского толка (например, Христианская медитация, столь популярная ныне в Латвии), а также экуменизм и образовавшиеся на его основе общины (упомянем общину экуменического толка в Тэзе во Франции, основателем которой является почивший в 2005 году брат Роже). Еще одной, по сути самой консервативной тенденцией, является возросшее почитание Девы Марии, зиждящееся на ее неоднократных явлениях в Европе 19-21 столетий и вылившееся в расширение литургической практики и движения, имеющие целью дополнительные молитвенные упражнения и посвящение Богоматери как духовенства, так и мирян.

Сами же по себе явления Богоматери крайне интересны для феноменологии религии, тем паче потому, что они уникальны, будучи характерной чертой именно Западной духовности. Отношение к ним Православия неоднозначно и скорее негативно, т.к. реалии этого феномена Восточному миру малопонятны. Наша задача – приоткрыть завесу и углубить наше понимание для более адекватной и компетентной оценки явления.

Начнем с экспертной оценки феномена уже приобретшим статус классика православной богословской мысли В.Н.Лосским. В своей статье «Догмат о непорочном зачатии» и в примечании к ее новому изданию исследователь, мягко говоря, относится к упомянутому догмату с недоверием, раскрывая его логические погрешности и несоответствие православному вероучению.² Суть догмата заключается в том, что Дева Мария не была запятнана личным, а также и первородным грехом, получая тем самым особый статус среди тварных существ: земных и небесных. Богоматерь тем самым является не только родительницей Сына Божия, но и Соискупительницей, которая призвана вместе со своим Сыном участвовать во вражде

² В.Н. Лосский, «Догмат о непорочном зачатии», «Примечание к новому опубликованию статьи «Догмат о непорочном зачатии» // *Всесвятая: Православное догматическое учение почитания Божией Матери. Сборник работ*, общ. ред. В. Леонов (Москва: Паломник, 2001), сс. 143-154.

змию и в победе над ним, которая была бы несовершенной, если бы Богородица Сама пребывала под его властью, т.е. под бременем греха.³

Папа Римский Павел VI поясняет, что «это соединение Матери и Сына в деле Искупления в большей мере воссияло на Голгофе, где Христос «принес Себя непорочного Богу» (Евр. 9,14), а Мария, стоя при кресте (ср. Ин. 19,25), «глубоко страдала со Своим Сыном Единородным, и материнским сердцем приобщалась к Его жертве (*sacrificium*), согласясь с любовью на заклание Жертвы (*victimae immolationi consentiens*), от Нее рожденной»⁴, которую также принесла (*obtulit*) Предвечному Отцу.»⁵ Соискупление, таким образом, подразумевает принцип *fiat*, да будет, т.е. согласие Марии на Воплощение и принесение в жертву Сына.

В.Н. Лосский в этой связи обращает наше внимание на то, что по православному учению Богоматерь была свободна от личного, но не от первородного греха. «Если бы Пресвятая Дева была изолирована от остальной части человечества привилегией Бога, даровавшего Ей заранее состояние человека до грехопадения, то Ее свободное согласие на Божественную волю, Ее ответ Архангелу Гавриилу, утратили бы свою историческую связь с другими актами, способствовавшими на протяжении веков приуготовлению человечества пришествию Мессии.»⁶

Свой неумолимый приговор В.Н.Лосский, однако же, несколько смягчает в написанном двенадцать лет спустя примечании к новому опубликованию статьи. Упомянутое смягчение, однако, касается явления Богоматери в Лурде, не меняя в корне сказанное богословом о догмате. Лосский, признав явление как изливание Божественной благодати, предлагает отличную от Католической трактовку наименования Богородицей Себя во время явления «Непорочным Зачатием». Лосский пишет, что слова сии произнесены были Ею 25 марта 1858 года, в праздник Благовещения, и «их прямое значение остается ясным для тех, кто не обязан их истолковывать вопреки здравому богословию и правилам грамматики: непорочное зачатие Сына Божия является высочайшей славой Пренепорочной Девы.»⁷

³ В.Н. Васечко, «Католическое учение о Божией Матери» // *Православная Энциклопедия*, ред. Патр. Московский и всея Руси Алексий II (Москва: Православная Энциклопедия), т. V, с. 499.

⁴ II Ватиканский Собор, Догматическая Конституция о Церкви *Lumen Gentium* (Свет народам) 66.

⁵ Павел VI, *Как почитать Пресвятую Богородицу: Апостольское наставление Marialis Cultus Его Святейшества Папы Римского Павла VI «О правильном устройении и развитии почитания Пресвятой Девы Марии»* (Варшава: Издательство Отцов Мариан, 1994), с. 34.

⁶ В.Н. Лосский, «Догмат о непорочном зачатии» // *Всесвятая*, с. 149.

⁷ В.Н. Лосский, «Примечание к новому опубликованию статьи «Догмат о непорочном зачатии» // *Всесвятая*, с. 153.

Мы не станем оппонировать видному православному богослову. Даже более того, мы вынуждены признать абсолютную правильность его доводов касательно основ православного вероучения и присущей ему логики. Однако с точки зрения феноменологии религии или, если угодно, герменевтики⁸, религии присуща совсем другая логика, не являющаяся логическим дискурсом в прямом смысле слова. Как Православие, так и Католичество истоком своим имеет наложение откровения на народную религиозность, что и является причиной совершенно неизбежных различий не только в богочитании, но и в догматике, представляющей собой дериват упомянутого синтеза.

Явления Богородицы – это прежде всего проявление народной религиозности, которая существует по своим законам, имея отношение скорее к интуитивному модусу восприятия Божественного, нежели дискурсивному. Сказанное о народном истоке религии вообще и Богородичных явлений в частности – небезосновательно. Нынешний Папа Римский Бенедикт XVI особо отметил, что так называемые частные откровения, пример коих – явления Богоматери, есть результат народного благочестия, которое, в свою очередь, дополняет Литургию. Отношения между общим Откровением и частным такое же, как между Литургией и народным благочестием.⁹ Таким образом, этнические проявления религиозности оживляют Откровение, внося Его в конкретную культурную и историческую ситуацию. Поэтому приходится признать, что явления Богоматери – аксиоматичны. Их надо принимать и интерпритировать как данность.

Применяя этот принцип к вышеупомянутому событию в Лурде, исследователь обязан оперировать всей доступной фактологией и изучить феномен по принципу *epoché* (заключение в скобки предварительного суждения), в современной феноменологии замененным так называемой *эмпатией*. Явление Богородицы святой Бернадетте в Лурде просто невозможно рассматривать в отрыве от явления Ее святой Екатерине Лабуре в Париже в 1830 году. В отличие от Лурда, где Богоматерь назвалась уже известным и общепринятым к тому моменту католическому миру именем, Париж подготовил не только Лурдовское событие, но и окончательное утверждение празднования Непорочного Зачатия Марии Католической Церковью в 1854 году. Святой Екатерине Лабуре и через нее всему Католическому миру

⁸ Так свой феноменологический метод назвал М. Элиаде, приняв на веру поправки к методу, сделанные Иоахимом Вахом. См. подробнее в Eric J. Sharpe, *Comparative Religion: A History*, 2nd ed. (London: Duckworth, 1986), pp. 239-240.

⁹ Кардинал Йозеф Ратцингер, «Теологический комментарий» // Аура Мигель, *Тайна, которая ведет Папу: Фатимское явление в понтификате Иоанна Павла II* (Москва: Духовная Библиотека, 2001), с. 217.

Богоматерь завещала по возможности часто произносить молитву: «Мария, непорочно зачатая, молись о нас, к Тебе прибегающих.» И если Лурдовское «Я есмь Непорочное Зачатие» можно понять двояко, то здесь, в случае с Екатериной, не может возникнуть разногласий. Сама же Екатерина была современницей и Лурдовского явления, принявшая его с большой радостью в сердце как подтверждение открытой ей непорочности Девы Марии.¹⁰

Приведенные нами выше аргументы все-же не отвечают на вопрос, почему явления Богоматери типичны для христианского Запада. По какой причине нет их в Православном мире, и даже неоднократные пророчества относительно исторических и вместе с тем духовных судеб России были переданы православным путем посредничества католиков? Чтобы ответить на вопрос, стоит снова отдать дань В.Н. Лосскому, который совершенно справедливо заметил связь между явлениями и догматикой. Ему же принадлежит знаменитая формула, предполагающая взаимосвязь и взаимовлияние мистического и догматического богословий.¹¹ Догматическое богословие как бы оформляет и логически упорядочивает приемлемый для христианского Откровения спонтанный мистический опыт. Оно же и даст нам ключ к разгадке.

В соответствии с догматическим учением Католической церкви, как уже сказано, Богоматерь удостоилась особого статуса среди тварей, будучи Соискупительницей. Она зачата без греха, и событие это имеет свое завершение во взятии Ее на небеса вместе с плотью (Успение) таким же образом, как Воплощение завершено в Воскресении. Соискупление подразумевает активное участие Богородицы в процессе спасения человечества. По словам самой Богоматери Она своим предстательством неоднократно отклоняла кару Божию, которая уже не раз должна была постичь мир. К этой теме мы еще вернемся, акцентируя здесь лишь христологический принцип. Папа Павел VI обращает наше внимание на то, что значимость соспасительного служения Богоматери, как и Ее почитание, правомочно лишь в том случае, если оно носит тринитарный и христологический характер.¹² Другими словами миссия Богоматери неразрывно связана с Божественным Спасителем, являясь как бы модусом

¹⁰ *Stāsts par svēto Katrīnu Laburē un Dievmātes brīnumaino medaljonu* (Rīga: KALA Raksti, 2008), 49. lpp.

¹¹ *Очерк мистического богословия Восточной Церкви // В.Н. Лосский, Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие* (Москва: СЭИ, 1991), сс. 8-11.

¹² Павел VI, *Как почитать Пресвятую Богородицу*, с. 39.

Искупления. А если отталкиваться от выше сказанного о народном благочестии, совершенно необходимо было бы проанализировать образ Христа в Католичестве.

Не секрет, что наилучший источник для такого исследования – это агиография, представляющая собой наглядное воплощение сотериологических принципов в живой материи опыта. И если в индуизме или буддизме сотериологический позыв требует подражания учителю (гуру, ламе), то в христианстве – это однозначно подражание Христу (*Imitatio Christi*). Образ Спасителя, Которому подражают, однако, разнится на христианском Востоке и Западе. Обе Церкви приняли учение о соединении и взаимодействии двух природ во Христе без их смешения (так наз. *communicatio idiomatum*). В народном благочестии, отразившемся в Литургических песнопениях и в догматике, происходит своего рода перевес почитания одной или другой природы Христа. На Востоке этот перевес родил представление о Христе в большей мере как о Боге Вседержителе (вспомним иконографические образы Пантократора в центре Деисусного ряда иконостаса), нежели как о человеке. В мистической практике Востока преобладает опыт видения Прославленного Господа (на горе Фавор и Воскресшего), поэтому часты луминофании (опыт Божественного света), а в агиографии – сюжеты ухода от мира и приобщение созерцательному образу жизни. На Западе давит видение Спасителя прежде всего как человека, который близок нам, тварям, через служение и телесные муки на кресте. Размышления о страстях Христовых исключают хоть какое-то воспоминание о последующей им славе Воскресения.¹³ Поэтому в мистической жизни Церкви нередки случаи стигматизации, а в агиографии – самоотверженное служение в миру.

Выявленные акценты помогают сделать вывод об особенном отношении христианского Запада не только к человеческой природе Христа как таковой, но и к его телесности, как бы вобравшей в себя природу Божественную, которая, в свою очередь, обнаруживает себя в непорочности, в девственной чистоте тела Спасителя. Для народного понимания человеческое и божественное во Христе едино, и если уж человеческая Его природа стала для христианского Запада куда более понятной, то образ Христа прежде всего сопряжен с Его непорочной телесностью. Тело Христа произошло из Материнского, а значит и Ее тело непорочно, будучи отличным от всех остальных своей исключительной богопроникновенностью. Богородица, таким образом, являет собой модус, если не своего рода ипостась, телесности, а

¹³ См., например, *Духовные Упражнения* св. Игнатия Лойолы.

следовательно и непорочной, божественной человечности Христа, так как чистота или свобода от какой бы то ни было скверны – это атрибут самого Бога, преобразующийся в человеческой плоти в *девство*. И поскольку таков статус Марии в народном сознании Западной церкви, явления Ее, неся соискупительную функцию, имеют и определенное иконографическое выражение. Она почти всегда является как Дева, обычно в белом и озаренная светом.

Даже не упоминая тот очевидный факт, что Ее образ всегда сопряжен с понятной для местных визионеров атрибутикой¹⁴, стоит сделать вывод, что он, т.е. образ Богородицы – «самодостаточен», полноправно являя Собой модус непорочности, девственности и вместе с тем божественности Христа. Мария – *представитель* непорочности и божественности Самого Христа и поэтому не требует образа Богомладенца. Образ Марии вобрал в себя непорочность - девство, т.е. святость самого Бога. В иконографии православной фигура Богоматери являет в себе как бы прикладное, комплементарное значение. Она крайне редко изображается без младенца Иисуса по причине того, что не несет в себе изначально свободную от первородного греха природу и, следовательно, не является полноправным представителем Спасителя.

Поскольку Спаситель и Матерь Его суть святое человечество, то адекватны и крайне натуралистичные образы сердца как Христа, так и Марии. Любопытно то, что на иконе Фатимской Богоматери в католической Церкви Царского Села, которая выполнена в стиле православной иконописи, телесный образ сердца Марии заменен более архетипической окружностью с надписью «сердце» в центре. Переосмысленный Восточным икописцем образ сердца Богородицы – строго христологичен. Сфера, символизирующая Ее сердце, обрамлена терновым венцом, что роднит страдания Матери со Страстями Христовыми. Знаменательно и то, что Католическая иконография как таковая, справедливо интерпретируемая православными как чувственная, коренится в восприятии Христа и Богородицы как человек. Глубокая символичность и бесстрастность православных икон, напротив, укоренена в архетипическом, вневременном, трансцендирующем.

Без атрибута непорочности крайне близкий своей человечностью образ Христа сопряжен также и с Его служением в миру. Приверженность же мирскому образу

¹⁴ Достаточно вспомнить образ Богоматери, в котором Она предстала перед Бернадеттой в Лурде. Мария явилась в белом одеянии с голубым поясом и розарием в руках. Именно так одевались члены общества детей Марии, которые принимали активное участие в жизни Церкви на родине Бернадетты. (Pr. Andrejs Brumanis, *Lurda* (Dzimtenes Balss apgāds, 1958), 33. lpp.)

жизни самого Христа заставляет обратиться к сути мира как такового. Представление о богопроникновенности мира, крайней имманентности в нем Божества не отнимает у мира его укорененности в тварных времени и пространстве. Западное сознание неизбежно исторично. Оно подвержено абсолютизации прогресса вопреки Восточному, в этом случае православному, мировоззрению, которое куда более отстранено от временных и пространственных категорий. Употребляя Элиадовский понятийный аппарат, восточное миропонимание архетипично и поэтому статично, что и заставляет Православное вероучение как бы поставить точку в процессе Откровения, которое уже свершилось.

Итак, западное мировоззрение – символично (по Юнгу и Элиаде) и исторично. Оно не только допускает, но и необходимо подразумевает присутствие и некое продолжение Откровения в живом теле истории. Почти все явления Богоматери на Западе – апокалиптически окрашены; все они несут весть о надвигающихся трагических моментах истории. Так, например, во время явлений Марии в 1930 г. Екатерине Лабуре становится известно о тревожных событиях во Франции, ожидаемых через сорок лет со дня пророчества. Здесь мы можем упомянуть и символизм предупредительных пророчеств Богородицы, явившимися содержанием открытой совсем недавно так называемой третьей Фатимской тайны. По словам сестры Лусии, ей была явлена высокая гора, на которой возвышался крест. Через полуразрушенный город, находящийся у подножия горы и полный трупов, с большим трудом и скорбью пробирается епископ в белом (символ Папы) и еще целая группа епископов, священников, монахов и монахинь. Папа взбирается наконец на гору, где у подножия креста военные его убивают. При этом кровь Христа и мучеников, стекающая с креста, собираема ангелами в сосуд. Кровью этой ангелы окропляют души, направляющиеся к Богу.

Толкование тайны таково: город символизирует страждущий в путях коммунизма мир; крест – цель и ориентир истории: им разрушение превращается в спасение; гора есть земля, а тяжелый подъем в гору – это крестный путь Церкви во главе с Папой. Как пишет Папа Бенедикт XVI, «видение дает нам отражение XX столетия – столетия мучеников, столетия страданий и гонений на Церковь, столетия мировых, а также множества локальных войн, которые шли почти всю его вторую половину и отличались особой жестокостью.» Он добавляет, что сестра Лусия в письме Святому Отцу от 22 мая 1982 г. передала слова Богоматери, которая сказала, что мы должны каяться и уповать. «В противном случае заблуждения ее (России) распространятся по

миру, будут войны и гонения на Церковь. Праведники станут мучениками, Святой Отец будет много страдать; целые народы будут уничтожены.»¹⁵

Любопытно, что епископ в белом – это собирательный образ многих Пап, начиная с Пия X. В видении Папу убивают. Поразительно то, что Папа Иоанн Павел II, попросивший после покушения на его жизнь 13 мая 1981 г. принести текст третьей части Тайны, увидел в нем собственную судьбу. 13 мая – годовщина явлений Марии в Фатиме, поэтому Папа сам интерпретировал свое чудесное спасение как действие Материнской руки. Чудесным образом пуля, уже оказавшаяся в теле Папы, на подступах к жизненно важным органам вдруг изменила траекторию и не явилась причиной смерти. Здесь важно то, что предсказания не есть абсолютное предопределение, а лишь предупреждение, назидание и призыв к покаянию.¹⁶ Соискательная же роль Материнского милосердия в случае с покушением и вовсе не требует комментариев.

Таким образом, открытость Запада к идее постоянного воплощения Откровения в истории посредством Его дополнения частными откровениями делает явления Богородицы возможными именно на Западе. Поэтому Богородица, как впрочем и Христос, например в явлениях св. Фаустине Ковальской, не скупятся на слова. Их имманентная и вместе с тем историческая эпифания имеют непосредственное отношение к так называемым «знамениям времени». Стоит упомянуть наконец, что во время явления Марии Екатерине Лабуре ей был явлен образ земного шара, на котором стояла Богоматерь. Глобальный подтекст явления снова возвращает нас к миру, к истории, к имманентному.

Христианский Восток, напротив, архетипичен и немногословен. Мироточивые иконы – немые аллюзии присутствия Неопикуемой Трансцендентности, и хоть мироточивость – это уже проявление, уже имманентное, оно никогда не теряет своей апофатичности. Да и само миро, собственно, не является абсолютно посясторонней субстанцией в отличие от слез и крови, которые в наше время источают многие статуи Марии и Христа на христианском Западе.¹⁷ Кроме того за слезами частенько следует и пояснение Самого Плачущего о причине слез.

¹⁵ Кардинал Йозеф Ратцингер, «Теологический комментарий» // Аура Мигель, *Тайна, которая ведет Папу*, сс. 225-227.

¹⁶ *Ibid.*, сс. 223-226.

¹⁷ Символика крови и воды вообще типична для натуралистичности Западного восприятия Христа. Достаточно вспомнить образ Христа с двумя лучами, проистекающими из Его сердца, явленный Фаустине Ковальской. Два луча – голубой и красный, суть кровь и вода, истекшие из Его сердца при распятии.

Крайне важно вернуться к России, которая упоминается в нескольких явлениях Богоматери, не только в Фатимском, но например и в Гарабандальском. Почему Россия вообще так важна, а падение ее влечет смерть целого мира? Конечно, пророчества Богоматери и призывы молиться за Россию можно воспринять и в контексте буквальном, политическом. Россия как великая военная держава была и является серьезной угрозой миру. Однако поиски глубинного смысла этих призывов приводят нас обратно к пережившим время Юнговским и Элиадовским понятиям архетипического и символического, Востока и Запада. Падение России, этого кладезя архетипической духовной сути, означает смерть ствола Христианского Древа, просуществовавшего уже две тысячи лет. Ветви, коими является символический Запад, не способны существовать без ствола. Поэтому молитвы Фатимских пастушков, а вместе с ними и всего католического мира с его экуменическими притязаниями – это ничто иное, как попытка возродить архетипическую суть христианства, воплощенную в Православии. Оживление ствола необходимо повлечет за собой и цветение ветвей, которые являются чудным символом возрождения Европейской цивилизации. Символика древа же и вовсе представляется здесь уместной, если принять во внимание то, что Фатимская Богоматерь являлась детям на кроне развесистого дуба.